

Emilia, Riccio, 6/1.

ДОМИНИК ФОРТЪЕ

города на бумаге
жизнь Эмили Дикинсон

Доминик Фортье Города на бумаге. Жизнь Эмили Дикинсон

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69182419

*Города на бумаге:
ISBN 978-5-89059-455-6*

Аннотация

Американская поэтесса Эмили Дикинсон до сих пор остается загадкой. Она родилась в 1830 году и умерла спустя 55 лет в том же доме; никогда не была замужем и не имела детей; написала более тысячи стихотворений, из которых при жизни опубликовала меньше десятка; почти не покидала родной город Амхерст, а последние годы провела затворницей в своей комнате.

«Города на бумаге» – пронзительный литературный портрет писательницы, которая была способна создавать целые миры, не выходя из собственного сада. Сплетая биографические сведения с личными размышлениями и фантазиями, Доминик Фортье создала глубокое, тонкое и изящное повествование о свободе воображения и природе творчества, о местах, в которых мы живем и которые живут внутри нас.

Доминик Фортье – писательница и переводчица, родилась в Квебеке в 1972 году, защитила диссертацию по французской литературе в Университете Макгилла, десять лет работала

в различных издательствах; автор пяти романов. Лауреат французской премии Gens de тег (Премия моряков) и Премии генерал-губернатора, высшей литературной премии Канады. Книга «Города на бумаге» удостоена престижной премии Ренодо за эссе (2020).

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Эмили	6
Амхерст	7
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Доминик Фортье

Города на бумаге

Dominique Fortier

Les villes de papier

© Dominique Fortier and Éditions Alto, 2018

© А. Н. Смирнова, перевод, 2022

© Н. А. Теплов, оформление обложки, 2022

© Издательство Ивана Лимбаха, 2022

Мой дом – Фреду и Зоé

*Чтоб луг узреть, вполне
пчелы довольно мне,
Цветка, мечты,
Но коль нет
Пчел —
Мечты довольно¹.*

¹ Перевод С. Степанова.

Эмили

Эмили – деревянный городок, раскинувшийся посреди лугов овса и клевера. У квадратных домов покатые крыши, голубые ставни – их закрывают с наступлением вечера, и камины – иногда в них случайно попадают птицы и, взмахивая измазанными сажей крыльями, растерянно мечутся по комнатам. Их не пытаются прогнать: напротив, оставляют в доме, чтобы научиться пению.

В городе в десять раз больше садов, чем церквей, которые всегда стоят пустыми. В их мирной тени произрастают грибы и колокольчики. Жители переговариваются жестами, но, поскольку каждый использует жесты собственного изобретения, друг друга они не понимают и предпочитают не общаться.

С наступлением холодов Эмили покрывается снегом, по нему расхаживают ученые синицы и своими тонкими лапками чиркают белые стихи.

Амхерст

Амхерст в штате Массачусетс – это городок – деревушка – вне времени и пространства.

В 1830 году, когда там родилась Эмили, количество его жителей равнялось 2631. Чикаго еще не существовал. В 1890-м, через четыре года после смерти Эмили, в Чикаго 1 099 850 жителей, а в Амхерсте нет и 5000 душ – минус одна.

Это довольно просвещенный городок, в котором жили многие поколения знатных представителей семейства Дикинсон. Он был назван в честь барона Джеффри Амхерста, первого барона Амхерста – того самого, который в ходе индейских войн предложил отдавать индейцам одеяла из карантинных бараков, дабы распространить оспу среди «дикарей» и как можно скорее покончить с этой омерзительной расой.

Можно было выбрать название и получше.

Сегодня, когда картинки и изображения разного рода сыплются на нас со всех сторон, превышая все мыслимые количества, странно думать, что от нее, одной из лучших поэтесс страны, осталась одна-единственная фотография, сделанная в шестнадцатилетнем возрасте. На этом знаменитом снимке она предстает худенькой и бледной, с длинной шеей, украшенной ленточкой темного бархата, с черными, широко расставленными глазами, выражающими сдержанное внима-

ние, с легкой улыбкой на губах. На ней простое, присборенное на талии полосатое платье со светлым воротничком, в левой руке – подобие бутоньерки. Перед нею на столе книга, название которой прочитать невозможно. И нет других фотографий, где она была бы моложе, старше или стояла, – а может, и были, но потерялись, порвались. У нее нет и никогда не будет ног.

Отныне и навсегда она останется только этим лицом. Вернее, даже не лицом – этой маской.

Эмили Дикинсон – белый экран, чистая страница. А вдруг в конце жизни она захотела бы надеть голубое платье? Мы не можем говорить за нее.

Эмили Дикинсон. Дагерротип. 1846 или 1847

В пятилетнем возрасте маленькая Эмили Элизабет про-

ведет несколько дней у тети в Бостоне. По дороге их экипаж попадет в жестокую бурю. Черное небо разрывают вспышки молний, дождь колотит по стеклу с таким шумом, будто это не капли, а щебенка. Тетя крепко прижимает девочку к себе, чтобы успокоить. Но малышка нисколько не испугалась. Зачарованная, она прижимается лбом к холодному стеклу и выдыхает:

– Огонь.

В тетином доме окна расположены так высоко, что даже если встать на цыпочки, получается увидеть только краешек белого неба. Она карабкается на кровать, чтобы посмотреть сверху вниз на улицу, на два сросшихся корнями дерева, растущих на другой стороне, на спешащих по тротуару людей.

Она делает первый осторожный прыжок, потом второй, потом третий, все выше и выше, на матрасе, набитом гусиным пером, который мягко пружинит под ее весом. Улица подпрыгивает в том же ритме, что и она, со всеми маленькими фигурками, словно это оловянные солдатики, которые двигаешь в коробке.

– Элизабет!

В дверном проеме вырастает разгневанная тетя. Девочка тут же перестает прыгать и, твердо стоя на своих маленьких ножках, громко и четко отвечает:

– Я предпочитаю, чтобы меня называли Эмили.

На подоконник, куда Эмили насыпала хлебных крошек,

садится дрозд. Его грудка похожа на один из тех чудесных апельсинов, от которых раздувается чулок, подвешенный у камина накануне Рождества.

Он заглатывает кусочек хлеба и принимается выводить трели, рассказывая бесконечную птичью историю. Наверное, это стихи о земле, о какой-нибудь беспечной птичке, о чётках из яиц цвета морской волны, из которых одно таинственным образом исчезло. Эмили слушает, трепеща, склонив набок голову, ее глаза блестят. Она берет одну крошку большим и указательным пальцем, подносит к губам. Это ее самая любимая еда.

Если она и грешит, то это всегда один и тот же грех: чревоугодие во всех его проявлениях. Она может стянуть кусок пирога, оставленного остывать на кухне, или стащить запретную для нее книгу с полки в отцовском кабинете. Мать на этот счет никогда не обманывается и наказывает ее всегда одинаково, запирая одну в комнате, где нет никаких игр и развлечений для ребенка ее возраста. Когда срок наказания истекает и дочь выходит из комнаты, мать не видит ни сожаления, ни раскаяния. Тот, кто полагает, будто Эмили Дикинсон можно наказывать, заперев в тишине и одиночестве, наедине с собственными мыслями, совсем ее не знает.

Если бы у нее получилось провести хотя бы один день без глупостей, без плохих поступков или дурных мыслей, этот единственный идеальный день стал бы искуплением всей ее

жизни. Но дело вот в чем: она не уверена, что хочет быть послушной. Ромашки ведь тоже непослушны, или дрофы, которые клином летят в небе. Они лучше: они дикие, как виноград, горькие, как горчица, сорные, как трава.

Сад шелестит шепотом цветов. Фиалке кажется, что она слишком растрепана. Другая фиалка жалуется, что высокие подсолнухи отбрасывают на нее тень. Третья украдкой косится на лепестки соседки. Два пиона замышляют заговор: как бы прогнать муравьев. У длинной бледной лилии замерз стебель – земля слишком влажная. Но хуже всего розам: их раздражают пчелы, беспокоит слишком яркий свет, пьянит собственный аромат.

Только одуванчикам нечего сказать: они просто радуются, что живы.

Цветы, сорванные детьми после обеда, лежат в ивовой корзине. Бледными пальцами Отец берет стебелек анютиных глазок и назидательно разъясняет:

– Чтобы сохранить, надо их сначала высушить.

В руках Отца цветок кажется увядшим и блеклым. Он кладет его и достает том энциклопедии «Британника», которая ровными рядами – с первого по двадцать первый том – стоит на полках в середине книжного шкафа. Открывает и осторожно листает.

– Через несколько месяцев страницы впитают влагу растения, и вы сможете вклеить его в свой гербарий.

Эмили молча изумляется: книги питаются соком цветов.

Отец продолжает поучительным тоном, которым привык изъясняться, когда преподает, то есть всегда:

– Чтобы вспомнить место, куда вы поместили этот экземпляр, я советую выбирать номера страниц, соответствующие какой-нибудь известной дате. Например, начало Столетней войны...

Ждет.

– Тысяча триста тридцать седьмой, – хором шепчут Остин, Лавиния и Эмили.

Остин и Лавиния берут один том, осторожно вкладывают растение между книжных страниц, шепча наверное: «Декларация независимости», «падение Римской империи», «год маминого рождения».

И только Эмили, похоже, засовывает цветы в выбранный ею словарь наугад, как придется.

Некоторое время отец наблюдает за ней, нахмутив брови.

– Как ты найдешь свои растения, если кладешь их куда попало?

Она улыбается:

– Я буду знать.

Через несколько месяцев, когда среди зимы они решают извлечь из книг летние цветы, она открывает словарь, не колеблясь ни минуты. Если другие вполголоса бормочут цифры, она, словно колдовское заклинание, произносит одно слово, одно-единственное: *жасмин* – и появляется жасмин.

Эмили проиллюстрировала заглавия словарных статей энциклопедии.

Она собирает листики мяты, лепестки роз и соцветья ромашек, отдает матери, чтобы та развесила их сушиться на кухне. Эти растения предназначены не для гербария. Их будут заваривать и пить зимой.

В маленькой полотняной сумочке она хранит зерна, украденные у птиц в конце лета. Это – будущий сад.

Мама на кухне, дочери накрывают стол к ужину. Отец уже сидит на своем месте во главе стола, ждет. Лавиния расставляет столовые приборы. Эмили несет фарфоровые тарелки, синие с белым.

– Ну-ну, – говорит Отец, перед которым она только что поставила его тарелку.

– Что, Папа?

– Хотелось бы знать, почему именно мне всегда достается эта выщербленная тарелка?

Эмили возвращается, присматривается. В самом деле: у тарелки, которую она перед ним поставила, не хватает кусочка, совсем крошечного, как лунка на ногте.

– Прости, – говорит она.

Забирает тарелку, спокойно, не торопясь, проходит через столовую, кухню, открывает дверь, ведущую в сад. Там замечает большой плоский камень. Бросает на него тарелку, и она разлетается вдребезги. Потом все тем же размеренным шагом возвращается в столовую и объявляет:

– Больше она никому не достанется, я вам обещаю.

Измученный, он ничего не отвечает.

Его перевернутое отражение на поверхности навощенного стола, похоже, удивлено не меньше, чем он сам. Фарфоровые осколки в траве напоминают обломки исчезнувшей цивилизации.

– Снег выпал!

Остин проснулся первым. Вбежал в комнату Эмили и Лавинии, бросился к окну: снег покрыл сад белым одеялом, свисает гирляндами с деревьев.

Все трое скатываются вниз по лестнице, натягивают сапожки, пальто, шапки, платки и митенки. Стоя на нижней ступеньке, Отец смотрит на них с видом суровым и неодобрительным. Но не говорит ничего. Дети с трудом успокаиваются.

На улицу еще никто не выходил: они первые топчут белую страницу сада, вычерчивая на ней три маленькие запутанные тропки. Лепят снежки, которые взрываются, как петарды, припудривая снежной мукой их темные пальтишки.

Эмили, запыхавшись, падает навзничь. Разводя в сторону руки и ноги, рисует снежного ангела. Справа от нее валится на землю Остин, слева Лавиния, и на снегу появляется цепочка снежных ангелов, словно гирлянда из бумажных куколок.

Все еще падает снег. Снежинки садятся на красные щеки, обжигая кожу. У детей белые ресницы, словно присыпанные

сахарным песком. Когда дети наконец поднимаются, их отпечатки остаются лежать – три маленьких снежных надгробия.

* * *

Много лет спустя, прильнув к окну декабрьским утром, Эмили вновь их видит, три маленьких призрака – девяти, семи и пяти лет. Этих детей больше нет, они исчезли, словно навсегда занесенные белыми холодными хлопьями. Много лет спустя, увидев первый снег, она начинает рыдать.

* * *

На портрете художника Отиса Аллена Буллара дети предстают вариациями одного и того же человека. Матери? Отца? Во всяком случае, взрослых, воспроизведенных в детских пропорциях: серьезный взгляд, удлиненный нос, усталая улыбка. Они почти неотличимы один от другого, разве что на Остине черный костюмчик с белым воротником, а девочки одеты в платья с кружевными воротничками (светло-зеленое на Лавинии, потемнее на Эмили). Кажется, у всех у них короткие волосы с пробором сбоку, хотя, возможно, у девочек волосы длинные, гладкие, зачесанные назад. На наш современный взгляд – да и не только на современный – это

похоже на портрет в память о трех умерших детях.

Или, возможно, картина была написана не в их детстве, а много лет спустя, когда они, взрослые, послужили художнику натурщиками.

Ведь нам известно, что они выжили, выросли и по крайней мере у одного из них были собственные дети. Возможно, этот портрет показывает, что взросление не спасает ребенка от смерти.

Они проходят по улице Мейн-стрит мимо большого дома, построенного их дедом Самюэлем.

– Ты здесь родилась, – говорит Остин Эмили.

Она это знает. Они все родились в этом доме. Девочка едва сдерживается, чтобы не ответить: «Умру я тоже здесь».

– Когда дедушка его построил, это был первый кирпичный дом в городе.

И это она знает. Ей все знакомо в этом большом доме, где она жила до десяти лет, даже после того, как – стыд, святотатство, унижение – дедушка его лишился и им пришлось делить жилище с семейством торговца, который его выкупил. Западное крыло – семья Дикинсон, восточное – семья Мак. Каждый раз, встречая кого-нибудь из них в коридоре, Эмили вздрагивала, словно наткнувшись на призрак или самозванца, проникшего через окно. Что эти чужие люди делают в ее доме?

Через шесть лет после того, как они покинули дом, она все еще помнит его в малейших подробностях: запах светлого

навощенного паркета, солнечные лучи, проникающие через приоткрытые ставни отцовского кабинета, от которых начинают сверкать золотые буквы на книжных корешках, полумрак маленькой домашней маслобойни, куда они с Остином бегают слизывать сливки прямо с горлышек молочных бутылок, прохладный погреб, пахнущий свеклой и луком, свою собственную светлую комнатку.

Она не сомневается, что этот дом когда-нибудь вновь будет принадлежать ей. И она права. В 1855 году отец Эмили выкупает отчий дом и перевозит туда семью, которая с этого момента будет занимать его целиком. Он перекрашивает кирпичные стены в бежевый цвет, а ставни – в темно-зеленый, предпринимает еще множество усовершенствований: например, возводит стеклянную теплицу, где Эмили будет выращивать редкие растения – еще один ее каприз (она когда-то говорила, что сделает это своей профессией).

Возвратившись в Хомстед в двадцатипятилетнем возрасте, она мгновенно вычеркивает предыдущие пятнадцать лет. Теперь, когда она вновь обрела дом своего детства, она решительно настроена никогда больше не покидать ни дом, ни детство.

Возвратившись в Хомстед, она думает, что, наверное, из всех членов своей семьи больше всего любит именно дом.

Вот уже много месяцев я перечитываю сборники стихов и писем Эмили Дикинсон, изучаю посвященные ей работы, рассматриваю сайты с фотографиями Хомстеда, соседнего

Эвергринса, Амхерста времен семейства Дикинсон. И до сих пор для меня это города на бумаге. Пусть они такими и остаются. Или, может быть, чтобы лучше представлять, о чем я пишу, мне стоит самой посетить эти два дома, превращенные в музеи? Какой простой вопрос: что предпочесть – знания и собственные впечатления, чтобы описать их такими, какие они в реальности, или свободу воображения? Почему же я не решаюсь проделать этот четырехчасовой путь на машине? С каких пор я боюсь вступить в книгу? Чем больше я медлю, тем быстрее исчезают отголоски лета. Вскоре от сада Эмили не останется ничего, кроме высохших стеблей и увядших цветов. Но, возможно, он должен предстать именно таким, а не в пышном августовском изобилии.

Дом, в котором жила Эмили с десяти до двадцати пяти лет, стоит на Плезант-стрит, напротив кладбища. Несколько раз в месяц она наблюдает из окна траурную процессию.

Недалеко от дома в маленькой дощатой лачуге, слишком маленькой, чтобы быть одновременно и складом, и конюшней, они держат корову Дороти с длинными ресницами: ее доят утром и вечером, получая молоко и сливки, необходимые семье. В стойле возле коровы – конь Дюк, которого отец запрягает в повозку, когда куда-нибудь едет. В совсем маленькой пристройке рядом кудахчут три курицы, Гвен, Врен и Эдвиг, которые несутся через день, а петух Пек бдительно их охраняет. Есть еще поросенок – без имени. Все лето его откармливают кухонными отбросами, очистками, пище-

выми отходами, капустными кочерыжками, а осенью режут, чтобы сделать колбасу, жаркое, отбивные, которых хватает до самого нового года.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.